

18+

СОЮЗ

Лана К

Лана К

Союз

«Автор»

2026

К Л.

Союз / Л. К — «Автор», 2026

Он давно похоронил своё сердце. Она никогда не знала, что значит быть любимой. Их брак — всего лишь сделка, заключённая между двумя влиятельными семьями. Между ними нет чувств, нет будущего и уж точно нет права на счастье. Но иногда судьба смеётся над чужими планами. У любви есть одна опасная особенность — она делает нас уязвимыми. Когда тайны начинают выходить наружу, а враг оказывается ближе, чем можно представить, им придётся решить, что сильнее: страх снова потерять или желание наконец обрести друг друга. История о боли, доверии, второй любви и тайнах, способных разрушить даже самые крепкие клятвы.

Лана К

Союз

Глава 1. Лука

— Отец, я уже сказал тебе и говорю в последний раз. Я не буду второй раз жениться! Разговор окончен, — я встал из-за стола и подошел к окну.

— Ты о себе не думаешь, о дочери подумай! Ей мать нужна. Она сутками тебя не видит, — отец откинулся на спинку кресла и продолжен выжигать во мне дыру взглядом.

Я обернулся на отца, он развел руки и пожал плечами. Я понимал, что Авроре нужна мать, но у нее есть мама. Женщина, которая сделала меня самым счастливым человеком, та, которая подарила мне дочь.

Три года назад телефонный звонок разделил мою жизнь на «до» и «после». Элиза погибла в автомобильной аварии, не справилась с управлением на мокрой дороге. Я всю свою жизнь прожил в тени криминального мира, всегда начеку, с оружие в руке и глазами настороженными. Моя жизнь – это вечная борьба за свою семью, за тех, кого люблю. Защищал их, ценой собственной жизни. Мою жену не раз пытались похитить, угрожали ей, пытались сломать меня через неё. Но она ушла не от рук наших врагов. Она погибла от случайности – от дождя и сколькой дороги. Никто не был виноват. Я проверил это тысячу раз. Целый год после её смерти, я собирал крупички того дня и проверял все на несколько раз, но каждый раз – ничего. И это, пожалуй, делает потерю ещё более жестокой. Потому что, жизнь, которая казалась под контролем, вдруг обрушилась на меня в один миг. Я остался один с маленькой дочкой на руках. Маленькая, беззащитная Аврора... Она так похожа на свою мать. Маленькая её копия – светлые волосы, серые глаза, та же мягкая, почти невинная улыбка. Каждый раз, когда я смотрю на неё, сердце рвётся на куски. Я вижу в ней ту, кого потерял. Ту, которой никогда не будет рядом. Ту, чьи глаза я никогда больше не увижу. Я понимаю, что эта потеря никогда не отпустит меня. Любовь, что я испытывал к Элизе, живет в нашей дочери, и это одновременно и утешение, и пытка.

Из размышлений меня вывел стук в дверь, в комнату влетел Маттео и Рафаэль.

— Лука... на наш груз напали, — пробормотал Маттео, едва переводя дыхание.

— Поставка оружия сорвана. Всё уничтожено, водители мертвы, — Рафаэль поджал губы.

Поставка шла на территорию Нью-Йорка, к складам на окраине Бруклина. Там, где мы контролировали каждый склад, каждую улицу, и всё же, несмотря на это, нападение произошло. Все это время отец молча наблюдал за мной, поджав губы и держа голову на одной руке. Я уже знал, что он мне скажет.

— Кто напал? — спросил я, сжимая кулаки.

— Люди из клана Манчино. Они не успокоятся, ты же знаешь, брат. Я отследил их машины, — ответил Рафаэль и сел в кресло напротив отца.

Рафаэль Вальентино... мой младший брат. Он был умен и скрытен, Он наши глаза и уши. Маленький гений. Я отпустил взгляд на пол, в голове закрутились мысли. Война с Манчино тянется уже месяцы. У нас есть силы, но явно не хватит, чтобы противостоять в одиночку. Началось всё несколько месяцев назад, и была спровоцирована сочетанием старых обид, жадности и случайности. Всё началось с территории – одного из складских районов Бруклина, где обе семьи пытались контролировать подпольный оборот оружия и наркоторговлю. Одна из наших поставок, тщательно подготовленная, была захвачена людьми этого уroda Манчино. Они верили, что это зона их влияния. Непосредственной причиной стала попытка одного из младших членов его клана ограбить наш конвой, не подозревая, что это моя личная поставка. Были раненные и убиты люди с обеих сторон, и один из близких союзников Манчино погиб.

После этого старые обиды, которые копились годами, еще со времен, когда мой отец был доном. Каждое новое нападение показывает, нам необходимы союзники, те, кто не переметнется на его сторону.

— Лука... ты знаешь, что мы не сможем выиграть эту войну в одиночку, — сказал отец, тихо, но твердо, глядя мне прямо в глаза.

— С кем ты хочешь породниться, — я сел во главе стола, сложа руки в замке прямо перед собой.

— С кланом Бруно.

— У Андриано нет дочерей... или ты хочешь выдать нашу сестру за его сына? Отец, я не допущу этого союза. Она не никогда не станет разменной монетой, — мой голос был тверд как всегда.

— Нет, у его правой руки есть дочь. Она уже совершеннолетняя и может выйти замуж, к тому же никому не была еще обещана. Как ты говоришь, была разменной монетой. Туз в рукаве, на всякий случай, — отец это сказал, как должное.

— Сколько ей лет?

— Восемнадцать.

— Ты нашел жену Рафаэло? Хорошо, ему 25, им есть о чем поговорить! — сказал я, откидываясь на спинку кресла.

— Лука! — отец поднялся с кресла. Я смотрел на отца и слушал его холодный, точный голос.

— Отец, я не женюсь на этой девчонке, и ты сам знаешь почему! — выплюнул я в ответ, подсакивая с кресла.

— Ты должен жениться на Лие Руссо. Союз с их кланом спасет нас в этой войне, — сказал он, не отводя глаз.

— Семья Морети смогут прийти нам на помощь в случаи необходимости.

— Ты может, забыл, что с ними больше нет точной договоренности. Элиза мертва. Им не зачем помогать нам, — слова отца словно пощёчина.

— Не смей произносить имя моей жены. Я не посмотрю, что ты мой отец, — эти слова прозвучали очень тихо. В кабинете повисла звенящая тишина.

Я знал семью Руссо и Бруно. Адриано Бруно – холодный и расчетливый босс, чье слово весит больше пули. За этим человеком пойдут люди. Он человек слова и чести. Сальваторе Руссо его правая рука – советник. Это безжалостный человек, ради своей выгоды продаст мать. Отец хочет этого союза. Но Лия слишком молода, её всего восемнадцать лет... она ребенок для меня. Я взглянул на отца, его глаза были холодны, лишены эмоций. Мой отец, Алессандро Вальентино – дон, который ушел в тень по своему желанию и уступил свое место мне. Времена и порядки меняются, не все старшие готовы с этим мериться. В том числе и мой отец, он до сих пор дает мне советы, но последнее слово всегда остается за мной. Его слово всегда было законом, его обещания – крепче любой сделки. Жестокий характер? Да. Но именно он сделал нас теми, кто мы есть. Он всегда защищал семью. Не словами, а действиями. Никогда не ждал, что кто-то постоит за нас – он сам вставал на защиту, ломал стены и преграды, когда угрожала опасность. Он всегда шел со своими людьми плечом к плечу, глядя в глаза своим врагам. С нами, с братьями, он был строг. Он воспитывал нас настоящими мужчинами: учил стоять за себя, не бояться боли, брать ответственность за свои поступки и всегда быть готовыми защищать семью любой ценой. Он всегда говорил: «Семья – это честь, и за неё стоять нужно до последнего».

И да, иногда мы ненавидели его строгость, жесткость, порой хотелось убежать от правил, от дисциплины. Но теперь я понимаю – благодаря ему я тот, кто я есть. Человек, который держит клан на своих плечах, который знает цену каждому решению, за которым пойдут люди. Он научил нас быть сильными, настоящими.

— Лука, это не вопрос желаний. Это вопрос выживания Семьи. Ты должен понять — это единственный путь. Ну, в конечном итоге. Подумай о дочери. Авроре нужна мать, а тебе женщина. Лия не заменит Авроре мать, но будет той, кто будет с ней рядом. Будет дарить ей свое тепло, — отец говорил все также тихо, но твердо.

— Мне не нужна женщина. И вообще с чего ты решил, что союз с дочерью советника Бруно, принесет нам мира с ними и помощь, — произнес я, глухо, почти с вызовом.

— Именно поэтому ты постоянно появляешься в «ХО»? Проводишь в этом клубе ночи, тратя время на тех, кто для тебя ничего не значит?

Я сжал челюсть, но не ответил сразу. Отец знал, что ответить мне. Маттео и Рафаэль сидели и наблюдали за нами, не произнося и слова. Словно в кабинете находились только я и отец. Мои походы в клуб — не про удовольствие. Это был повод забыться, заглушить пустоту, которая осталась после смерти моей куколки. Но сказать это вслух я не мог. Перед ними — никогда. Я лишь бросил коротко:

— Это не твоё дело.

Я опустил на кресло и дал понять отцу, что разговор закончен. Он взглянул на меня и вышел из моего кабинета. Хлопнув дверью, словно давая мне понять, что последнее слово будет за ним. В ту же секунду Маттео и Рафаэль переглянулись и одновременно выдохнули, словно только что спала невидимая напряженная струна. Они уже не впервые становились свидетелями наших с отцом перепалок. Это было почти привычным — столкновение двух характеров, двух взглядов, которые никогда не совпадают. Но при всём этом мы никогда не поднимали друг на друга голоса. Никогда. Между нами не было повышенных тонов — только твёрдые слова, сказанные в полтона, но от этого они звучали сильнее, чем любой крик. И, наверное, именно это и пугало братьев больше всего. В нашей тишине всегда скрывалась буря.

— Лука, что будем делать то с поставкой. Это нельзя оставить без ответа. Никто не может приходить на нашу территорию и делать, что ему вздумается, — пробурчал Маттео.

Я посмотрел на Маттео и впервые за долгое время ярость берет верх над холодным расчетом. Я очень долго скрывал свои эмоции. Друг был прав — это нельзя оставить без ответа. Но месть не должна быть слепой. Нам нужно не просто «ответить», а нанести точный удар по тому, что делает Манчино может быть опасным для нас. Мы вычленили план — не по пунктам для перестрелки, а как последовательность ходов, которые должны вернуть инициативу нам и заставить врага заплатить цену за ошибку.

— Рафаэль, ты займешься тихой разведкой. Люди, маршруты снабжения, скрытые связи с третьими сторонами, их уязвимые точки в логистике и финансах. Маттео, проверь кто готов продать информацию, кто не доволен Манчино, его врагов, — сказал я, не отрываясь от парней. Они лучшие в своих делах. Мы не будем идти на бессмысленную расправу. Цель — временно лишить Манчино того, что позволяет им наступать. Мы отработаем все рычаги давления.

— Параллельно нам нужно понять, кто сейчас нейтрален или сомневается. Небольшие жесты, выгодные уступки, тихие разговоры, — произнес Маттео.

— Оставим эту работу для Марко, он профессионал в красивых речах и изощрениях, — произнес я с небольшой ухмылкой.

Марко наш средний брат. Он всегда был горяч и импульсивен. Любитель пытать людей самыми грязными способами, давить на их слабости, как бы играя с жертвой.

Но отец прав, нам необходимы союзники. Семья моей жены не сильно походила на эту роль. Долгое время они считали, что это я виноват косвенно в смерти жены. Они до сих пор не признаю её смерть несчастным случаем и считают, что я просто не смог отомстить за её смерть. Союз с Руссо может стать решающим. Адриано имеет слово и хорошую власть. Но она не его дочь и где гарантии, что её дядя окажет нам помощь? Мы не искали мести ради мести. Мы искали путь вернуть контроль, вынудить Манчино заплатить за свою самонадеянность и открыть для нас окно, где можно будет заключить союз, сохраняющий наше будущее. Внутри

меня жил гнев, но теперь он был направлен в дело. Я не позволю никому разрушить то, за что мой, отец, я, моя семья и наши люди стояли годами. Парни вышли из кабинета ближе к ужину, и в кабинете повисла тихая пустота – но она длилась ровно секунду. В дверь влетела Аврора, запыхавшаяся и живая, как солнечный луч.

— Папа, почему ты так долго не приходил ко мне. Я не хочу без тебя спать, — сказала дочь, запрыгивая ко мне на колени и прижалась к груди. Её голос умел растопить даже самый холодный камень.

За ней в проеме показалась Розалия – она постучала в дверь и заглянула внутрь, улыбка на лице была мягкой и спокойной. Роза, няня Авроры с момента её рождения. Взрослая, добрая, с легкими морщинками у глаз и теплым голосом. Она была для Авроры почти бабушкой, кормила, утешала, знала все детские страхи и привычки.

— Солнце, папа работал, сегодня я обязательно уложу тебя спать, — сказал я, пытаюсь проглотить усталость и быть спокойным. Аврора мигом протянула руку в свой джинсовый сарафанчик с вышитыми на нем ромашками. Она вынула оттуда лист бумаги и протянула его мне.

— Папа, а смотри, что я тебе нарисовала, — сказала Ава. Это был рисунок ангела.

— Это моя мама, нам на занятиях сказали нарисовать маму.

Я взял лист. На нём – детские, невероятные линии, но в них было всё: светлые волосы, простоя улыбка. Почувствовал, как в груди что-то сжалось, словно старый шов наконец-то натянулся снова.

— Она прекрасна, — выдавил я, и голос дрогнул сильнее, чем хотел. Прекрасна, как и была.

Я знал, что в этой маленькой копии Элизы – и утешение, и постоянная рана. А в глазах дочери – доверие, которое я должен беречь любой ценой.

— Солнышко, иди, готовься ко сну с Розалией, а я скоро приду, — сказал я тихим голосом, погладив дочь по волосам. Малышка подбежала к няне и взяла ее за руку, направляясь к выходу. Я откинулся на спинку кресла и начал тереть лицо руками. Я набрал отца. Несколько длинных гудков, и его низкий, уверенный голос раздался в трубке.

— Я согласен на этот брак. Какие условия они выдвинули?

— Ты принял правильное решение, Лука, — в его голосе слышалось удовлетворение.

— Им нужна наша территория для спокойного коридора, для перевозки их товаров.

Я провел руками по лицу, стараясь прогнать усталость, но она только сильнее наваливалась.

— Почему он вышел с этим предложением на тебя? — спросил я.

— Он мог напрямую обратиться ко мне.

Отец помолчал, будто собираясь с мыслями, и ответил:

— Он предложил это еще два года назад. Когда ей было шестнадцать. Я тогда был у руля... хотел поговорить с тобой, но ты был не готов.

— А ты думаешь спустя два года он все еще согласится? — голос мой прозвучал жестко, чем я рассчитывал.

— Если её до сих пор ни с кем не обручили, значит, всё это время ждали твоего ответа, — спокойно произнес отец.

Я сжал зубы, чувствуя, как злость перемешивается с пониманием. Всё это время? Все это ради союза?

— Хорошо. Завтра я сам выйду на Бруно, — сказал я и отключился. Тишина, которая воцарилась, была тяжелее любого выстрела.

Глава 2. Лиля

Я проснулась от настойчивого стука в дверь. Еще полусонная, я потянулась к краю кровати, но в комнату уже вошла Антонина – наша экономка. Она была женщина уже в годах, стройная, со сдержанным лицом и глазами, в которых всегда горел свет. Её темные волосы были собраны в строгий пучок, на ней – простое, но аккуратное платье и фартук. Она не походила на светскую даму – в её движениях уверенность и привычка держать дом в порядке.

— Лия, вставай, — сказала она тихо, но настойчиво.

— Отец срочно хочет тебя видеть. И тебе лучше поторопиться.

Слова отразились холодом, который мгновенно разгонял сон. Я села на кровати, пальцы непроизвольно сжали простыню. Сердце застучало быстрее – то знакомое чувство тревоги, которое всегда сопровождало встречи с отцом. Я быстро вскочила с кровати и привела себя в божеский вид. Нутром я уже ощущала, что разговор с отцом не будет простым. Я шла к его кабинету на ватных ногах, и с каждым шагом сердце билось сильнее. Тишину в коридоре прервал мой стук в дверь.

— Входи, — грозно донеслось изнутри.

Я открыла дверь и вошла. Кабинет отца всегда вызывал у меня холод в сердце. Тёмные стены, тяжёлые портьеры, не пропускающие почти никакого света. Большой дубовый стол занимал центр комнаты, на нём аккуратные стопки книг в кожаных переплётах. За его спиной висел портрет моего дяди – сурового человека, и этот взгляд с картины всегда давил на меня не меньше, чем взгляд моего отца. В углу стоял массивный шкаф с папками и оружием, которое отец никогда не скрывал, словно напоминание о том, кто он есть, и какой мир нас окружает. Воздух был тяжёлым, пахло табаком и крепким алкоголем, запахи, которые впитались в стены и мебель. Мне никогда не нравился это место. Слишком мрачный, тесный, словно в нём нет места свету. Здесь отец не раз отчитывал меня, и не раз его рука поднималась на меня. Мое воспитание, будто заключалось только в строгости и наказаниях. И всё же, несмотря на его жёсткость, я верила в его любовь. Верила – потому что хотела верить. Я росла в мире мафии и знала: мужчина не имеет показывать слабость. А чувства – это и есть слабость. По крайней мере, так учили меня. И всё же иногда, в его взгляде, в редких словах, я ловила что-то другое. Скрытое. Может быть, ту самую любовь, которую он никогда не позволял себе выразить.

— В скором времени ты выйдешь замуж, — сказал отец, не поднимая на меня взгляда. Эти слова отразились эхом по кабинету и выбили воздух из моих лёгких. Я замерла, слушая собственное дыхание, и молчала, ожидая дальнейших слов. Отец медленно поднял глаза и оценивал мою реакцию. Он словно искал в моих зрачках протест – повод наказать за неповиновение. Но я не дала ему этого: лицо осталось ровным, губы сжатыми, внутри — буря.

— Твой будущий муж — Лука Вальентино. Дон. Через три дня он прибудет в Чикаго, и вы познакомитесь, — продолжил он ровным, как сталь, голосом.

— Папа, зачем ему я? — вырвалось у меня тихо, прежде чем я успела остановиться.

Отец поджал губы, взгляд стал ещё тверже.

— Мои решения не обсуждаются.

Слёзы подступили к глазам, и я заставила себя не дать им утечь. Для меня это не было новостью: с детства я знала — девушка у нас с ранних лет вещь — разменная монета. Я никогда не тешила себя надеждой на брак по любви. Меня берегли, как товар в красивой упаковке, который нельзя распаковать до праздника. Я знала, что мой первый поцелуй, первая близость — будут только с мужем. Когда мне исполнилось шестнадцать, я на мгновение выдохнула с облегчением: кажется, меня обошли. Но судьба, как видно, приготовила другой сценарий.

— Через сколько состоится свадьба? — это был единственный вопрос, который я смогла произнести вслух.

— Об этом скажет твой жених, когда прибудет на нашу территорию. Свобода, — проворчал отец и снова погрузился в документы, давая понять, что разговор окончен. Я уже собрала

себя, чтобы уйти, когда он, не поднимая глаз, добавил, как будто мелочь, брошенная в холодную воду:

— Езжай в магазин и купи платье, которое покажет тебя во всей красе. Лука должен захотеть взять тебя в жены. Ты должна ему понравиться. А если этого не случится – последствия тебе не понравятся. Я вылетела из кабинета, не в силах больше стоять. Угрозы отца всегда действовали — они были не пустыми словами. Я знала, какие могут быть последствия, если Лука передумает насчёт невесты. Я была той самой вещью, которую должны были «купить», и это знание тянуло меня вниз сильнее любого ремня или крика. По коридору догорал свет. Я не помню, как дошла до своей комнаты. Дверь захлопнулась за моей спиной, и я рухнула на кровать, уткнувшись лицом в подушки. Слезы градом катились по щекам, пропитывая ткань, и остановить их не было сил. Я не хотела думать об этой свадьбе, о своем... женихе. Не хотела – и не могла. О том, что всё это время я была лишь товаром, который ждал своего покупателя. И вот, наконец, для семьи настал момент – выгода оказалась великой. Отец не раз говорил, что у дяди Адриано нет дочери, и поэтому именно мне выпадает роль той самой разменной монеты. Его родной племяннице. Он повторял это почти с гордостью, как будто я должна была быть благодарной. Если бы мама была жива... Я крепче зажмурила глаза. Она бы не допустила этого. Я знала – чувствовала это каждой клеточкой. Но её тоже когда-то выдали замуж. Собственный брат передал её в руки своему советнику – моему отцу.

— Я так скучаю по тебе, мама, — прошептала я, голос сорвался и превратился в стон. Слезы ещё сильнее застилали лицо, обжигали кожу.

Я почти не помню её. Мне было три, когда её не стало. Всё, что у меня есть, – это смутный образ, собранный из обрывков чувств и детских воспоминаний: запах тепла, мягкие руки, тихий смех. Она любила меня. Я знала это. И, может быть, именно поэтому мне так больно – потому что её любовь осталась во мне, но её самой больше нет. Я прижала подушку к груди, как будто это могла быть она. И позволила себе сломаться, хоть ненадолго. Я не знаю, сколько я просидела в такой позе, слезы уже давно высохли. Меня вновь вывел из оцепления стук в дверь. Антонина тихонько приоткрыла дверь и вошла внутрь комнаты, она поняла все без слов. Она медленно подошла и села позади меня на кровать. Осторожно откинула мои длинные косы с плеча, обняла и прижала к своей груди. Тёплая ладонь легла на мою голову, и мягкие, успокаивающие движения будто растворяли боль, хотя слёзы продолжали течь. Тони дарила мне любовь. Да, это было не равно материнской – её ничем не заменить. Но в её руках и голосе было сострадание к нам с сестрой, желание защитить нас. Она помогала нам, когда отец был слишком суров, когда рядом не было никого. Она говорила со мной на темы, о которых должна была говорить мне мать: о том, как быть девушкой, как ухаживать за собой, как понимать свои чувства. Была для меня чем-то больше, чем экономка нашей семьи. Она была тем, кого я могла назвать близким человеком. Пусть не кровью, но сердцем – моя тихая опора.

— Солнце, пойдёшь, покушай, — мягко сказала Антонина, продолжая гладить меня по голове.

— Ты и так пропустила завтрак. Отцу это не понравилось. Лилия ждёт тебя в столовой.

Я лишь молча кивнула, не в силах произнести хоть слово. Собравшись с силами, поднялась с кровати и пошла в ванную. В зеркале отражались красные глаза, усталое лицо и та же девочка, что давно уже чувствовала себя взрослой. Я умылась холодной водой, убрала выбившиеся из косичек волосы, стараясь скрыть следы слёз, и через двадцать минут спустилась вниз. В просторной столовой царил тишина. За длинным дубовым столом сидела только Лилия. Увидев меня, она тут же вскочила со своего места, звонко скрипнув стулом по полу, и подбежала ко мне.

— Сестра! — её тонкие руки обвили мою талию, и она уткнулась носом мне в плечо.

Я чувствовала, как в груди что-то дрогнуло и стало легче. Я улыбнулась – впервые в этот день. Несмотря на небольшую разницу в возрасте, она смотрела на меня с уважением, с восхищением. Но самое главное – с любовью.

— Лили... — прошептала я, прижимая её к себе еще крепче.

Она подняла на меня свои живые, светящиеся глаза, и в них не было ни тени злобы или жестокости нашего отца. Только доброта и сила – та, что жила в ней с детства, заставляя всегда сопротивляться, даже если это было опасно. Лилия всегда напоминала мне маму – её копия, словно время решило вернуть прошлое в новом обличье. Такие же светлые волосы, те же выразительные голубые глаза, только в них не было мягкости, в них горел огонь. Лили была сильной. Слишком сильной для девушки её лет. Она никогда не боялась противостоять отцу. Даже тогда, когда это заканчивалось наказанием – тяжёлым, жестоким и физическим. Она всё равно шла наперекор, бросала вызов его правилам, поступала так, как считала нужным. В её взгляде жила та сила, которой у меня не было. Как говорит Лили, я была другой – романтик, вечная мечтательница, которая видела свет даже там, где была тьма. Я верила в любовь, в доброту, всегда оправдывала плохие поступки отца и искала в них хоть крупицу заботы. За это она всегда ругала меня: *«Это тебя погубит, Лия»*. Она всегда повторяла, что моя доброта – это слабость, и однажды за неё мне придется дорого заплатить. Я обняла крепко сестру, вдохнув её аромат. Лили была выше меня, статнее, казалась старше своих лет. И рядом с ней я всегда чувствовала себя младшей, хотя именно я была старшей сестрой. Мы сели за стол. Я едва успела прикоснуться к еде, а Лили, заметив мои покрасневшие глаза, нахмурилась.

— Лия, что с тобой? Ты плакала? Отец что-то тебе сделал? — её голос был настороженным, почти резким.

Я попыталась улыбнуться, но улыбка вышла горькой, почти усмешкой.

— Я выхожу замуж, малышка.

Лилия замерла, вилка выпала из её рук и с грохотом ударилась о тарелку. Она медленно повернулась ко мне, и в её глазах появилось то самое – недоверие, злость и страх одновременно.

— Что? Замуж? За кого?

— За Луку Вальентино, — тихо сказала я, опустив глаза. Словно мои слова прозвучали, как приговор.

На миг Лилия как будто забыла, как дышать. В её глазах мелькнуло что-то, похожее на панику.

— Он... — она не договорила, но я знала, что она хотела сказать.

— Да, он глава клана. Он из Нью – Йорка, — я вздохнула.

— Я выгодная сделка.

Слова повисли между нами тяжёлым приговором, и я увидела, как Лили сжимает кулаки, как в её глазах вспыхивает ненависть.

— Как скоро ты покинешь меня? — спросила Лилия. Голос её дрогнул, и в глазах мелькнул страх, тот самый, который она всегда умела прятать от всех... кроме меня. Я тяжело вздохнула, стараясь не раздумывать прямо перед ней.

— Я не знаю, Лили. Через три дня для Лука будет здесь... наверное, тогда я всё узнаю, — ответила я тихо. И, пытаясь придать голосу хоть немного твердости, добавила.

— Помоги мне выбрать платье для этого вечера.

Она прищурилась, и по лицу скользнула тень. Мы еще долго сидели рядом, разговаривая. Лилия старалась шутить, я пыталась улыбаться, но между нами все равно стояла тяжесть. Позже мы отправились по магазинам. Город жил своей жизнью, витрины сияли, люди спешили по делам. Мы потратили целый день, перебирая платья, которые продавщицы с улыбкой приносили одно за другим.

— Это слишком простое, — отмахнулась Лилия, глядя на голубое платье до пола.

— Ты должна произвести впечатление. Запомниться с первого взгляда.

Я выдохнула и посмотрела на свое отражение. В зеркале на меня смотрела испуганная девочка, пытающаяся спрятаться за нарядом взрослой женщины.

— Лили, я... не могу выглядеть так, словно... — слова застряли в горле.

— Лия, пойми. Ты должна быть сильной. Нельзя, чтобы Лука отказался от тебя. Отец убьет тебя, — сказала сестра, схватив меня за плечи.

Мы перебрали десятки нарядов: алое, словно кровь, серебряные, холодные, черные. Я мерила одно за другим, и каждый раз сестра критиковала: то вырез недостаточно смелый, то силуэт слишком скромный, то ткань не «кричит» достаточно громко. И вот, когда я уже устала и хотела сбежать, Лилия принесла платье. Оно было глубокого темно-зелёного цвета. Лиф плотно обтягивал мою небольшую грудь, но делал её значительно больше визуально. Ключицы были открыты и тонко выделялись, а вырез на ноге был смелым, но не вульгарным. Я не привыкла к таким нарядам, но платье выделяло все мои изгибы.

— Вот оно, — сказала Лили тихо, но с твёрдой уверенностью.

— В этом ты не будешь просто девочкой. Ты будешь женщиной.

Я посмотрела опять на себя в зеркало. Ткань очерчивало мое тело, делая меня загадочной и... привлекательной. Сексуальной, как того хотел отец. Но за отражением я всё ещё видела себя – испуганную Лию, которая мечтала о любви.

Я выдохнула и кивнула.

— Хорошо. Пусть будет оно.

Сестра улыбнулась и крепко сжала мою руку.

— Запомни, сестренка. Это платье не делает тебя товаром. Это они так решили. Но ты заставишь их поверить, что ты управляешь ими. Её слова заставили меня звонко засмеяться. Я кивнула, и сестра ответила мне своей искренней улыбкой. Но я знала – сегодня я выбрала платье, в котором меня выставят напоказ. Платье, в котором моя судьба решится одним взглядом мужчины.

Глава 3. Лия

Три дня пролетели со скоростью света. Эти дни сопровождалась тревогой и напряжением. Всё это время мы с Лилией пытались вырвать хоть какую-то информацию о Луке Вальентино, но все наши попытки тонули в пустоте. Единственное, что мы смогли узнать, – это его «легальная» жизнь. Лука владел сетью элитных ресторанов, где каждая тарелка стоила дороже, чем год учёбы обычного ребенка в школе. Рестораны славились своей утонченной итальянской кухней, винными картами и безупречной репутацией. И вина там были действительно исключительными. Потому что он управлял своей сетью виноделен. Виноградники, раскинувшиеся в солнечных долинах Калифорнии, приносили огромные прибыли. Так же у него была небольшая строительная компания. Но и я, и Лилия понимали – всё это было лишь ширмой. Картинкой для чужих глаз. Мы жили в этом мире и знали эти правила игры. Теневая часть его бизнеса для нас оставалась загадкой. Что пугало больше всего – не было почти никаких фотографий Луки. Только несколько снимков в газетах на фоне бизнес-партнеров. Всегда в костюме, всегда серьёзен, но не более. Ни личной жизни, ни привычек, не слабостей. Отец за все эти дни почти не ночевал дома, скрывался в бесконечных встречах и переговорах. Я пыталась хоть что-то выведать о предстоящей встрече, но его взгляд был ледяным, и я понимала – лучше молчать. Я проснулась по будильнику – противный звук пробирал до костей. С самого утра дом гудел, словно улей. Люди ходили туда-сюда, сновали по коридорам, шептались, разносили приказы. На кухне гремела посуда, в холле переставляли мебель, проверяли освещение, люди бегали с цветами и бокалами. Всё готовились к встрече... Лукой Вальентино. А я... не знала, что делать. Как себя вести, что говорить. Казалось, все в доме знали свои роли – кроме меня. Ближе к обеду начались мои собственные сборы. До встречи оставались считанные часы, и в это время словно сжималось, утекая сквозь пальцы. Лилия пытались меня разговорить, шутила, пытаюсь

отвлечь, но её попытки были тщетны. Я сидела, как куколка, позволяя женщине поправлять мои волосы, застёгивать молнию на платье, и чувствовала, как с каждым её движением моя грудь сжимается всё сильнее. Я хотела исчезнуть. Стать невидимкой. Спрятаться куда угодно – лишь бы не здесь. Я боялась его. Боялась Луку Вальентино, хотя никогда не видела его вживую. Я знала только имя и силу, что стояла за этим именем. Он был старше меня. Умен. Богат. Состоятелен. Мужчина, который держит в руках целую империю. А я? Всего лишь маленькая девочка, читающая романы, мечтающая о любви, о том, что однажды кто-то возьмёт меня за руку не ради выгоды, а потому что захочет быть рядом. Мне было страшно не понравиться ему. Но если быть честной, больше я боялась не Луку. Боялась отца. Его взгляда, голоса, последствий, если что-то пойдёт не так. Боялась, что одно неверное слово, один жест – и моя жизнь превратится в наказание.

Я сидела, глядя на свое отражение в зеркале: гладкая кожа, яркие губы, волосы уложены идеальной волной, зеленое платье облегает тело, словно вторая кожа. Казалось, что на меня смотрит чужая девушка – не я. Девушка, готовая быть купленной. *«Пожалуйста, только бы он не был чудовищем...»* – мелькнула мысль, и я отпустила глаза, чтобы никто не увидел слёз, что снова подступили. Они вошли в дом так, словно этот мир принадлежит им по праву. Шаги уверенные, неторопливые, как у людей, привыкших, что все взгляды прикованы к ним. Сначала я увидела парня, он был похож с Лукой. Возможно его брат, выглядел он младше, на нём был безупречный тёмно – синий костюм, который идеально сидел, будто шит на него. Белая рубашка с едва заметным блеском ткани, манжеты застёгнуты запонками из платины. На запястье – часы, цена которых достигала больших чисел. Волосы аккуратно уложены назад, на лице – лёгкая усмешка, но глаза внимательные, оценивающие. Рядом с этим парнем был еще один парень, который сильно отличался от братьев. Он был чуть выше первого, с более грубыми чертами лица, он также был безупречен в своей одежде. Такой же тёмно-синий костюм, белая рубашка, галстук чуть расслаблен, будто нарочно. Его взгляд был живой, острее, чем у брата Луки, и в нём сквозила какая-то скрытая ирония. Он был тем человеком, кто, казалось, читает обстановку с одного взгляда. И потом вошёл он. Лука. Он сразу заполнил собой всё пространство. Высокий, выше всех в этой комнате, с мощными, широкими плечами и телом, в котором чувствовалась сила. На нём был черный костюм безупречного кроя, подчёркивающий каждое движение. Черная рубашка, расстёгнутая на одну пуговицу, делала его образ еще опасным, чем у остальных. На запястье – массивные часы с чёрным ремнём, дорогие, но без кричащей роскоши. Волосы тёмные, уложенные назад, но не слишком аккуратно – в этом была своя естественность. Его лицо... красивое, но не мягкое. Резкие скулы, сильная линия челюсти, лёгкая щетина, которая придавала ему ещё больше мужественности. И глаза. Эти глаза – глубокие, зелёные, с янтарным отливом. Они были, как омут: смотришь в них – и не знаешь, что скрывается за этим взглядом. Никаких эмоций, никакой мягкости, ни намёка на теплоту. Только холодная, сосредоточенная энергия. Когда наши взгляды встретились, я почувствовала, как будто меня пронзили насквозь. Он смотрел прямо в душу, словно изучал меня, и я не смогла понять – это интерес, презрение или просто привычка контролировать. Меня пробрала дрожь. Этот взгляд был таким напористым, что я на секунду захотела отвернуться, спрятаться. В нём не было жесткости, но было что-то, что внушала уважение и страх одновременно. Гостиная была наполнена напряжением, которое я ощущала каждой клеточкой своего тела. Казалось, воздух звенел от невысказанных слов.

— Добрый вечер, Лука, Марко, Маттео, — голос отца прозвучал непривычно мягко, почти уважительно, и я не поверила своим ушам. Никогда прежде я не слышала такой любезности в его интонациях. Мужчины кивнули почти синхронно, словно по отработанному жесту. Всё в их поведении говорило о силе и самоконтроле – уверенные движения, спокойные лица, ни единого лишнего жеста.

— Вот, знакомьтесь. Это моя старшая дочь, моя гордость, Лия, — продолжил отец.

Я застыла. Его слова кольнули меня, будто что-то острое. «Гордость»? За всю мою жизнь я впервые услышала, чтобы отец назвал меня так. Но звучало это не как признание любви, а вскоре как часть сделки: словно он хвалился дорогим трофеем, который выставляет напоказ. Лука вновь перевёл взгляд на меня. Он не улыбался, не делал ни малейшего усилия, чтобы смягчить свою холодную маску. Но его зелёные глаза пронзали так, что я с трудом удержала дыхание.

— Приятно познакомиться, невестка, — неожиданно произнёс Марко. Его голос был лёгким, даже с оттенком игривости, что сильно контрастировало с мрачной тишиной Луки.

Я смутилась, почувствовав, как к щекам прилила кровь. Слово «невестка» прозвучало слишком громко в моей голове. Мы расселись на диваны: отец напротив гостей, я рядом, чуть в стороне. Разговор быстро перешёл в другое русло дел. Отец говорил много, объяснял, упоминал территории, сделки, «союз». Его голос звучал уверенно, словно он давно этого ждал. Лука почти не вступал в беседу, лишь изредка бросал короткие фразы, хрипловатым низким голосом, больше похожим на приговор, чем на слова. Всё время он почти не сводил с меня глаз, и от этого было не по себе. Я чувствовала себя не человеком, а вещью на витрине — объектом, который оценивают молча, взглядом.

— Я хочу поговорить с Лией наедине, — голос Луки прозвучал спокойно, но в этой спокойности чувствовалась сила, будто каждое его слово не подлежало обсуждению. Он смотрел прямо на меня, и я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Я резко поднялась на ноги, почти автоматически, будто меня что-то подтолкнуло. Но тут же услышала жёсткий голос отца.

— Лия не может оставаться с мужчиной наедине.

Я замерла, не смея пошевелиться. Сердце забилося в висках, а пальцы вцепились в подол платья.

— Она моя невеста, — ответил Лука, даже не удосужившись перевести взгляд на отца. В его голосе не было ни капли сомнений. Словно он не просил разрешения, а просто ставил в известность. Он достал из внутреннего кармана пиджака маленькую коробочку и протянул её мне. Я застыла, глядя на неё в его руке.

— Можете поговорить в моем кабинете. Лия проводит, — процедил отец сквозь зубы. Его челюсти сжались так сильно, что я даже услышала, как скрипнули зубы. Я знала — ему не понравилось, что Лука делал это так естественно, словно власть всегда принадлежала ему. Я осторожно взяла коробочку, стараясь не задеть пальцы, и кивнула, показывая, что готова идти. Внутри всё сжималось от страха и волнения. Мы вышли из гостиной. Каждый мой шаг отдавался в ушах громче, чем стук сердца. Я чувствовала на себе взгляд отца, прожигающий мне спину, и одновременно ощущала, что и Лука не сводит с меня глаз. Мы зашли в кабинет. Дверь тихо закрылась за спиной, но этот звук прозвучал для меня как приговор. Воздух в комнате будто стал тяжелее. Меня слегка трясло, и я изо всех сил старалась не показать, как внутри все сжимается от страха. Лука вошел спокойно, уверенно — в его движениях не было ни спешки, ни лишнего жеста. Он сел в кресло напротив и, не сводя с меня взгляда, легким движением руки показал, чтобы я присела. Я подчинилась.

— Сколько тебе лет? — спросил он, глядя прямо в глаза.

От взгляда у меня перехватило дыхание — будто он видел не просто меня, а все, что я пыталась скрыть.

— Восемнадцать... через несколько месяцев девятнадцать, — ответила я, стараясь говорить ровно но голос всё равно дрогнул. Он кивнул едва заметно, продолжая меня изучать более подробно. Его взгляд скользнул по мне, и я почувствовала, как жар приливает к щекам.

— Что на тебе надето... и почему ты выглядишь, как... — он осекся, не закончив фразу, но я поняла, что он хотел сказать.

Сердце рухнуло куда-то вниз. Я сжала пальцы, не зная, куда деть взгляд.

— Я... я хотела вам понравиться, — выдохнула едва слышно.

Наступила тишина. Он наклонился чуть вперед, опираясь локтями на колени, и сказал тихо, почти шепотом, но в этих словах не было ни тепла, ни сомнения – только холодная сталь:

— Я не хочу больше видеть тебя в таком виде. Не должна выглядеть так, словно готова себя предложить мужчине.

Эти слова ударили сильнее, чем любой крик. Я не знала, что сказать. Просто сидела, чувствуя, как в груди что-то сжимается и колет. Лука встал, поправил пиджак – движения четкие, уверенные. Я поспешно поднялась следом, не осмеливаясь смотреть на него. Он открыл дверь и пропустил меня вперед. Мы вернулись в гостиную, где отец и остальные мужчины уже ждали.

— Свадьба через месяц, — сказал Лука, не глядя ни на кого конкретно.

— Мои люди помогут организовать все моменты. Через неделю они будут тут.

Он повернулся ко мне.

— До встречи, Лия.

И пошел к выходу. За ним, почти синхронно, двинулись Марко и Маттео. Когда дверь за ними закрылась, я, наконец, позволила себе выдохнуть. Воздух будто снова вернулся в легкие. Я знала одно – сегодня отец не поднимет на меня руку.

Глава 4. Лука

Мы ехали по ночному Чикаго в нашем чёрном внедорожнике, окружённом машинами охраны с людьми с холодными глазами и оружием наготове. Свет фонарей скользил по лобовому стеклу, отражаясь на автомобиле. Машины двигались почти синхронно, как единый организм, оберегая нас от любого неожиданного движения на улицах города. Смотря в окно, вспомнил Лию, которая казалась мне маленькой, миниатюрной, словно фарфоровая кукла, запертая в нарядной одежде и слишком взрослая для своих лет. Длинные волосы цвета пшеницы ниспадали по плечам, а чистые голубые глаза смотрели прямо на меня, но в них угадывалась наивность, почти детская доверчивость. Её лицо было прекрасным, невинным – красота, которую нельзя было скрыть под слоями макияжа и мишурой, которую ей навязали для отвода глаз. Я не хотел жениться. И после встречи с Лией это желание только укрепилось. Она слишком молода. Ей бы ещё в куклы играть, мечтать, смеяться без оглядки на последствия. А тут – брак, роли жены и мачехи, ответственность и последствия... Я не представляю её ни в одной из этих ролей.

— Ну что, брат, как тебе невеста? — спросил Маттео, бросил на меня быстрый взгляд, но без насмешки, скорее с любопытством.

Я усмехнулся, отвернулся к окну и позволил ночным огням Чикаго размыться перед глазами. Город мерцал и манил.

— Она так молода и наивна, — сказал я.

— Я не знаю, что с ней делать.

Мы с другом залились смехом, мягко, почти сочувственно. Но я остался с мыслями о том, как мир, в который я её втягиваю, будет жесток и непрощающее быстр. Я не верю, что она справится. Мы остановились в одном из самых закрытых и дорогих отелей Чикаго, в номере, который был больше апартаментами, чем гостиничной комнатой. Высокие потолки, мраморные полы, огромные окна с видом на ночной город – всё здесь кричало о богатстве и власти. Весь персонал, как тень, работал тихо, без лишних вопросов, обеспечивая нам полную приватность. Завтра должна состояться встреча с Андриано Бруно, главой клана, чтобы обсудить детали союза. В этом номере я мог наконец-то подумать о событиях сегодняшнего дня и спланировать завтрашнюю встречу. В комнате раздался стук, который вытянул меня из мыслей. Марко зашёл, закрывая за собой дверь, и сразу потянулся к бару, наливая себе крепкий алкоголь. Он сел в кресло и вальяжно раскинулся на нём. Я сел напротив него, опершись спиной в кожаное кресло, спокойно наблюдая за каждым движением брата.

— Ну что скажешь брат? — начал он, делая глоток.

— Невестка показалась мне такой шуганой. Как ты собираешься с ней жить?

Я посмотрел ему прямо в глаза, холодно и ровно.

— Мне всё равно на неё, — сказал я.

— Мне нужен союз с Бруно. Остальное мне не важно. Она будет жить в моём доме, тратить мои деньги, общаться с подружками и просто иногда сопровождать меня. Просто красивая картинка.

Брат усмехнулся, не скрывая скепсиса:

— Ну–ну... — протянул он, оставляя стакан.

Я слегка покачал головой, продолжая смотреть на него, почти не моргая.

— Ты видел её? Она ребёнок. Мне кажется, с Авой у них будет много общего. Куклы, например...

Марко улыбнулся и снова отпил алкоголь, слегка раскачиваясь в кресле. Его взгляд был оценивающим, почти игривым.

— Да, похоже, будет весело, — сказал он, будто подтверждая мои мысли.

— Только не забывай, Лука, это не игра. Она твоя невеста, и всё, что с ней связано, теперь часть нашей игры.

Я кивнул, но не сказал ни слова. Мы оба понимали: завтра начнется настоящий торг, и никакая наивность Лии не сможет изменить того, что решают мужчины. Она ещё не знала, что мир, в который она вошла, диктует свои правила. Утро выдалось некстати. Я не люблю находиться не на своей территории – слишком много переменных, слишком мало контроля. В Чикаго даже воздух казался другим, пропитанным чужими правилами и скрытой угрозой. Встреча с Адриано была назначена ближе к обеду, в его ресторане – одном из тех мест, куда не заходят случайные люди. Там все пахло властью и деньгами, а за каждой улыбкой скрывалась сталь. Мы приехали с Марко и Матео. Охрана осталась снаружи – здесь это было правилом хорошего тона, которое, впрочем, соблюдали лишь те, кто чувствовал себя уверенно. Меня проводили в отдельный кабинет – большой, с панорамным окном и длинным дубовым столом. Адриано Бруно уже был там.

Он сидел, как всегда, идеально выверено – ровная осанка, лёгкая улыбка, но глаза внимательные, просчитывающие каждое движение.

— Здравствуй, Лука, — сказал он, вставая и протягивая руку.

— Адриано, — я пожал его руку. Крепкое рукопожатие без излишней силы, но с той уверенностью, которая говорит больше, чем слова.

Мы сели напротив друг друга. Между нами – стаканы с водой, серебряная пепельница и полная тишина.

— Я узнал, что вчера ты уже встречался с Лией Руссо, — сказал он, чуть приподняв уголок губ.

— Ну, как, понравилась невеста?

Я усмехнулся краем губ, не торопясь с ответом.

— Не жалко племянницу отдавать такому, как я? — спросил я спокойно, наблюдая за его реакцией.

Бруно хмыкнул, покачав головой.

— Я знаю, что ты её не обидишь, Лука. Ты не из тех, кто теряет контроль.

На секунду повисла пауза. Он смотрел прямо на меня, а я – на него. Мы оба понимали, что разговор идёт не о браке, а о власти.

— Наши семьи устали от крови, — сказал Адриано, делая медленный вдох.

— Манчино теряют позиции, но пока у них есть союзники.

У меня – люди и информация, у тебя – территория и ресурсы. Вместе мы можем покончить с этой войной раз и навсегда. Я откинулся на спинку кресла, переплетя пальцы.

— Взамен ты хочешь проезд своих фур по моей территории?

— Не просто проезд, — уточнил он.

— Сопровождение. Защиту. Мне нужны твои люди на маршрутах. Нью-Йорк — идеальная точка для перевозок, но без тебя и твоих людей это риск. Я кивнул. Всё было логично.

— А тебе взамен — моя поддержка в случае войны и не только. Мои люди, мои связи, мои ресурсы — в твоём распоряжении, если Манчино снова пойдут против тебя.

Мы оба знали, что эти слова стоят дорого. В нашем мире договор без скрепы — ничто.

— И все это, — продолжил Адриано, слегка улыбнувшись, — скрепит брак между тобой и Лией. Я кивнул. Он поднял стакан, я — свой.

— За союз, Лука.

— За союз, — повторил я.

Мы выпили. В этот момент всё уже было решено. Бумаги, охрана, сделки, поставки — это всё лишь формальности. Настоящим подтверждением стал брак. И теперь — выхода не было. Я знал, что отныне имя Лии Руссо будет носить мою фамилию. Но, глядя на отражение в бокале, я думал не о ней. А о том, что этот союз — не начало новой жизни. Это просто очередной шаг в вечной войне, где чувства всегда проигрывают расчёту.

Мы вернулись в Нью-Йорк поздно вечером. Город встретил нас привычным шумом и холодным ветром — домом, где каждый угол хранил след моей жизни и напоминал, кем я стал. Здесь всё подчинялось мне. Здесь — мой порядок, мои люди, мои правила. Отец ждал меня в своём кабинете. Он никогда не менялся — тот же строгий костюм, безупречно выглаженный, серебро в волосах, взгляд твёрдый, как гранит. Когда я вошел, он отложил бумаги и кивнул, предлагая присесть.

— Как прошла встреча с Бруно? — спросил он, без лишних вступлений.

— Как и ожидалось, — ответил я спокойно, опускаясь в кресло напротив.

— Союз заключён. Они получают безопасный проезд своих фур через наши территории, а мы — поддержку в случае войны с Манчино.

Отец кивнул, будто подмечая детали в моей речи.

— А невеста?

Я скользнул взглядом по столу.

— Девочка, — сказал я, спокойно, как о погоде.

— Молода, неопытна. Она ничего не знает о мире, в котором живет.

— Но она станет твоей женой, Лука, — сказал он, внимательно наблюдая за мной.

— Не забывай, этот брак — больше, чем формальность. Он скрепляет наш союз с Бруно. Без него всё будет трудно.

— Я понимаю, — кивнул я.

— Но для меня это просто часть сделки. Ничего больше.

— Ты слишком холоден, — нахмурился отец.

— Иногда, чтобы удержать власть, нужно не только страх, но и уважение. Девушка станет частью нашей семьи, и ты должен...

Я перебил его спокойно, но твёрдо:

— Она получит всё, что нужно. Дом, защиту, имя. Этого достаточно.

Он выдохнул, откинувшись на спинку кресла, будто хотел что-то сказать, но передумал.

— Лука, — наконец произнёс он,

— Ты живёшь так, будто в тебе ничего не осталось. Ни чувств, ни желания. Но поверь, даже в нашем мире человек без сердца — не сила, а пустота.

Я посмотрел на него, сдерживая внутреннюю усмешку.

— Сердце — слабость, отец. Я научился обходиться без него.

Он ничего не ответил. Только кивнул и посмотрел в сторону окна, за которым уже гасли огни ночного города. Мы оба знали: слова ничего не изменят. Этот союз был необходим. А

чувства — не то, что имеет значение в нашей семье. Для меня брак с Лией был просто шагом в этой игре. Не больше. И если эта девочка станет заложницей мира, в который она попала — это цена, которую мы все давно привыкли платить. Дом встретил меня тишиной. Такой тишиной, в которой слышен даже собственный выдох. После долгого разговора с отцом и возвращения из Чикаго я, наконец, почувствовал, как усталость оседает в теле, будто пыль после шторма. Все здесь было знакомо до боли — запах дорогого дерева, мягкий свет в холле, приглушённые шаги охраны за дверью. Дом стоял на своём месте, но после поездки я ощущал его немного чужим.

— Папа! — вдруг раздался звонкий детский голос.

Я едва успел повернуться, как ко мне подбежала Аврора — моя маленькая, мой единственный свет в этом мире. Она вбежала в холл босиком, в своей любимой пижаме с зайцами, и, не думая, прыгнула мне на руки. Я поймал её, прижал к себе, чувствуя, как внутри что-то смягчается.

— Привет, принцесса, — сказал я, целуя ее в макушку.

Она пахла детством — чем-то сладким, ванильным, и немного красками.

— Я скучала по тебе, папа! — прошептала она, уткнувшись носом мне в плечо.

— Ты долго не приходил...

— Знаю, малышка, — тихо ответил я.

— У папы было много дел.

В дверях показалась Розалия. Ее седые волосы были собраны в аккуратный пучок, а руки, хоть и старые, всегда казались надёжными.

— Господин Валентино, — сказала она мягко.

— Мы уже думали, вы сегодня не приедете.

— Я тоже не был уверен, — усмехнулся я, глядя на дочку.

— Но, как видишь, мне есть ради кого возвращаться.

— Тогда я оставляю вас, — кивнула Розалия, улыбнувшись.

— Ваша малышка весь вечер ждала вас.

Когда она ушла, я взял Аврору на руки и направился в ее комнату. Мы шли по длинному коридору, и она что-то болтала без умолку — рассказывала, как рисовала в саду, как их собака снова съела ее кукольное платье, как Розалия пекла печенье. Я слушал и ловил каждое слово, будто боялся пропустить хоть звук её голоса. В её комнате всё дышало покоем — мягкий ночник, плюшевые игрушки на полках, аккуратно заправленная кровать. Я уложил ее, накрыв одеялом.

— Папа, расскажи сказку, — попросила она, прижимая к себе игрушечного медведя.

— Сегодня без сказки, — сказал я, садясь на край кровати.

— Ты и так устала.

Она надула губы, но не спорила. Несколько секунд молчала, потом вдруг подняла глаза и тихо спросила:

— Папа... а мама тоже скучает по нам?

Я замер. Этот вопрос всегда бил точно в грудь. Её серые глаза, такие же, как у Элизы, смотрели прямо в душу — чисто, по-детски. Я провёл рукой по её волосам и ответил тихо:

— Да, Аврора. Мама скучает по нам. Очень.

Она улыбнулась, зарываясь лицом в подушку.

— Я тоже скучаю по ней, — прошептала она сквозь зевок.

— Я тоже, милая, — сказал я едва слышно.

— Больше, чем ты думаешь.

Она заснула, всё ещё держа мою руку. Я сидел рядом, глядя на неё, на её спокойное лицо, на дыхание — лёгкое, ровное. Иногда мне кажется, что только ради нее я еще держусь. Она — все, что осталось от Элизы. И, наверное, единственное, что ещё делает меня человеком. Я вышел во двор, когда в доме уже наступила тишина. Ночной воздух был прохладным и пах мокрой землёй после вечернего полива. В таких мгновениях я чувствовал, что могу, наконец,

дышать. Стоило мне сделать несколько шагов по вымощенной камнем дорожке, как из темноты донёлся знакомый лай.

— Спокойно, парни, — сказал я, и два силуэта тут же выскочили из –за угла.

Ко мне подбежали кане–корсо – Данте и Оникс. Два черных гиганта, мощные, с гладкой короткой шерстью и умными глазами. Данте был чуть больше – спокойный, умный, настоящий сторож. Оникс – наоборот, горячий, всегда готовый сорваться с места, когда чувствует адреналин. Они остановились передо мной, хвосты чуть дрожали от нетерпения.

— Ну что, скучали? — я усмехнулся, опуская ладони на их массивные головы.

— Пойдёмте, парни.

Я достал сигарету, чиркнул зажигалкой. Красноватый огонек на секунду осветил мое лицо, прежде чем раствориться в темноте. Сделал пару глубоких затяжек, чувствуя, как дым наполняет лёгкие и чуть притупляет мысли. Я поднял с земли две палки и бросил их в противоположные стороны. Данте и Оникс рванули, будто от этого зависела их жизнь – сильные, стремительные, молчаливые тени. Я смотрел, как они возвращаются, как свет фонаря ложится на их спины, и с каждой секундой всё сильнее чувствовал, как меня накрывает волной воспоминаний. Элиза. Имя, от которого все внутри сжимается. Та, кто была мне всем. Наш брак тоже начинался как сделка. Я помню, как отец тогда сказал: *«Ты должен жениться на дочери Рицци. Это укрепит наш союз. Не вздумай отказываться.»* Мне было двадцать три, ей – двадцать. Но ещё до свадьбы я знал, что она любит меня. Она не скрывала этого — ни взглядом, ни улыбкой, ни тем, как произносила моё имя. Она была обещана мне с шестнадцати лет, и всё это время ждала. И когда я впервые посмотрел на неё как на женщину — всё внутри изменилось. Она была светом. Чистой, доброй, искренней. Смех Элизы наполнял дом, ее запах – мою жизнь. Она всегда умела растопить лед, даже во мне. Мы поженились без особых церемоний – скромно, но я до сих пор помню тот день. Как она шла ко мне в простом белом платье, а я вдруг понял, что все это – мое. Что я люблю. В двадцать пять лет ее не стало. Тот день стёр всё, что было до и после. Я даже не сразу понял, как жить без неё. Тогда осталась только Аврора – крошка, которая ещё не знала, что ее мама больше не придёт. С тех пор я не позволил себе ни чувств, ни слабости. Только холодный расчёт и работа. Я докурил, бросил окурочок в мокрую землю и посмотрел, как Данте возвращается ко мне, держа в зубах палку.

— Молодец, — сказал я тихо, бросая ему руку на холку.

Оникс подбежал следом, шумно дыша. Я присел рядом, глядя на них. Две мощные тени, два живых щита.

— Если бы ты знала, Элиза... — прошептал я, глядя в темноту сада.

— Если бы видела, во что все превратилось.

Ветер прошелестел листвой. А я остался сидеть на холодных ступенях, окружённый ночной тишиной, двумя верными псами и призраками прошлого, от которых не уйдёшь. Я вошёл в дом, когда улица уже погрузилась в полную темноту. Сон так и не приходил, и я знал — сегодня он не придёт вовсе. Дом встретил меня тишиной, но не той холодной, пустой тишиной, какая бывает в чужих стенах. Здесь всё было по–другому. В этом месте жила душа. Светлая гостиная утопала в мягких оттенках– бежевых, молочных, песочных. Элиза сама подбирала каждую деталь: лёгкие занавески, которые колыхались при малейшем сквозняке, большие окна, через которые утром заливалось солнце, и уютный диван, на котором она любила читать, положив голову мне на плечо. Я провёл пальцами по спинке кресла – помню, как она смеялась, когда Аврора впервые залезла на него с плюшевым мишкой, будто заняла трон. Всё вокруг напоминало о ней. Каждая мелочь. Картина на стене – её любимая. Полки с книгами — те самые, которые она просила оставить даже после ремонта. Фотография у камина — я, она и наша крошка, едва умеющая держать голову. Элиза умела делать из дома – жизнь. Из стен и мебели – уют. Из хаоса — тишину. Она наполнила эти комнаты теплом, которое не исчезло даже после того, как её не стало. Я прошёл на кухню – там всё было так, как она любила: белая

плитка, кофемашина, ее любимая чашка с золотым ободком, стоящая на полке. Я не позволял никому трогать её. В коридоре стоял вазон с лавандой, которую она посадила сама. Сейчас, спустя годы, он всё ещё цвёл, заполняя дом лёгким, терпким ароматом. Иногда я ловлю себя на мысли, что жду её шагов. Что она сейчас спустится с лестницы босиком, в одной из своих длинных рубашек, зевнёт, скажет:

— «Ты опять не спишь, Лука?»

Но этого не случается. Я остался здесь один, среди ее воспоминаний. Этот дом — единственное место, где я по-настоящему живой. Где её голос всё ещё звучит в стенах. Где пахнет ею. Где я всё ещё чувствую себя мужем Элизы Вальентино. Я прошел в гостиную, сел в кресло и посмотрел на лестницу. Свет ночника мягко ложился на ступени, и я вдруг понял — именно она подарила этому дому сердце. Я лишь его охраняю. Утро началось рано — слишком рано. Едва рассвело, а я уже сидел в своём кабинете, с чашкой черного кофе и тяжестью на душе, которую не смогла бы снять ни одна сигара. Бумаги, звонки, люди — все привычно. Только вот внутри — всё так же чуждо. Я отдал распоряжения своим людям: свадьбу организуют в Чикаго. Не хотел устраивать этот цирк в Нью-Йорке. Не хотел, чтобы мой дом — место, где до сих пор витает присутствие Элизы — стал свидетелем этого спектакля.

— Пусть всё будет достойно, — сказал я, глядя на Маттео.

— Без показного шика.

Он кивнул, не задавая вопросов. Он знал, когда лучше молчать.

— Организуйте охрану. Проверить каждый маршрут, каждый человек должен быть проверен. Я не хочу сюрпризов.

— Понял, Лука, — он вышел, оставив меня одного.

Я откинулся в кресле и закрыл глаза. Свадьба... слово, которое раньше звучало как обещание новой жизни, теперь стало чем-то вроде сделки, подписанной кровью и холодом. Я понимал, что это нужно — ради мира, ради нашей территории, ради стабильности. Но внутри всё противилось. Я не хотел видеть чужих лиц, притворяющихся счастливыми. Не хотел слушать тосты и поздравления людей, которые знают, что этот союз — не любовь, а расчёт. Я хотел, чтобы всё закончилось как можно быстрее. Чтобы церемония прошла без скандалов, чтобы невеста получила свою роль, а я — то, ради чего всё это затевалось. И, чёрт возьми, я хотел, чтобы Элиза не видела, кем я стал. Я допил остывший кофе, взял телефон и коротко сказал:

— Маттео, вылетаем завтра. Контролируй всё на месте.

Свадьба... не праздник.

Глава 5. Лиля

Я шла в кабинет, сердце стучало так, что казалось, его слышат все вокруг. Отец вызвал меня ровным, холодным тоном, без намёка на предупреждение. Я открыла дверь, стараясь держаться прямо, хотя внутри всё сжималось от предчувствия беды. Он молча подошёл ко мне, и в ту же секунду мир перевернулся. Удар по лицу был настолько резким, что я даже не успела среагировать. Я почувствовала, как тело будто провалилось вниз, а глаза наполнились слезами. Всё произошло мгновенно, и я потеряла бдительность, думая, что после того, что было, он больше не сможет поднять на меня руку. Я забыла, каким жестоким может быть человек, стоящий предо мной.

— Как ты посмела остаться с ним наедине?! Что ты ему наговорила?! — голос отца прорезал тишину, полон бешенства и власти.

— Ничего, папа... правда, — выдохнула я едва слышно, стараясь не поднимать глаз.

— Он задавал вопросы, а я только отвечала.

Но это не остановило его. Он подошел вплотную, схватил меня за волосы, заставляя смотреть прямо в его глаза. Его взгляд был как ледяной нож, пронзающий душу. Я ощущала каждую каплю его ярости, его ожиданий и требования подчинения. Я сжала зубы, пытаюсь не заплакать,

пытаясь удержать хоть что-то от себя самой. Дыхание становилось частым, сердце бешено стучало, но я не поддавалась панике. Я знала, что если сейчас покажу страх, это только усугубит его ярость. Каждая секунда казалась вечностью. Я стояла перед ним, маленькая и беззащитная, но в глубине души цеплялась за мысль: не теряй себя, Лия, иначе он победит полностью.

— Что он спрашивал? — голос отца был как хлыст – сухой, злой, без единой эмоции.

— Спросил, сколько мне лет... и почему я так одета, — произнесла я едва слышно, чувствуя, как дрожат губы.

— Больше ничего.

Не успела я закончить фразу, как он с силой отшвырнул меня. Тело полетело назад, и я ударилась о дверной косяк, дыхание сбилось, в глазах на секунду потемнело. Боль пронзила висок и плечо, но я заставила себя не вскрикнуть. Только короткий выдох вырвался из груди. Я подняла глаза — отец стоял, тяжело дыша, сжатыми кулаками. В его взгляде не было ничего – ни сожаления, ни сомнения. Только ярость.

— Пошла вон, — произнес он тихо, но этот шёпот был страшнее крика. Я медленно поднялась на ноги. Всё внутри горело – не от боли, а от унижения. Я опустила голову, стараясь не встретиться с его глазами, и пошла к двери. Рука дрожала, когда я взялась за ручку, но я не остановилась. Как только вышла из кабинета, дверь захлопнулась за спиной с глухим стуком – словно точка, поставленная после очередного урока. Слёзы сами потекли по щекам, я не могла их сдержать. Они жгли кожу, как будто напоминали — я всё ещё жива. Я шла по коридору, едва держась на ногах. В груди все сжималось, но я не позволила себе ни всхлипа, ни стоны. Нельзя показывать, что он всё ещё ломает меня. Я должна быть сильной, хотя бы внешне. Пусть он думает, что победил. А я... я просто соберу по осколкам то, что осталось от меня.

Через несколько дней к нам прибыли люди от Луки – его люди, охрана и организаторы. Они ходили по дому тихо, уверенно, осматривая комнаты, измеряя расстояния, проверяя окна и двери, как будто готовились к военной операции. Я наблюдала за ними из-за угла коридора, сдержанно, почти без эмоций. Страх перед свадьбой не приходил. Не потому, что я смелая, а потому, что мои страхи давно нашли другой адрес. Я понимала одно: самое большое зло живёт со мной под одной крышей. И зовут его — отец. Он – буря, которую невозможно остановить, жестокость, которую невозможно предугадать. И теперь мне пришлось выбирать между двумя силами: одна – тот, кто держит меня в страхе каждый день, другая – чужой мужчина, о котором я почти ничего не знаю. Меньшее из двух зол. Так я решила для себя. Хотя выбора, на самом деле, у меня не было. Я могла только согласиться. И все, что оставалось – принять роль, которую мне отвели: будущая жена Луки Вальентино. Я подняла голову, глубоко вдохнула и выдохнула, будто отпуская что-то тяжёлое. Снаружи я была спокойна. Внутри – все еще бушевала буря, но теперь она была тихой, спрятанной. Отец последние дни был в ярости. Его раздражало буквально всё – посторонние люди в доме, шум, суета, то, что кто-то теперь отдавал приказы ему, а не наоборот. Я слышала, как он кричал на экономку, на охрану, даже на Лили – за то, что она смеётся слишком громко. Я знала причину: распоряжение исходило от Адриано Бруно. Он хотел, чтобы люди Луки находились здесь и контролировали процесс. Но для отца это означало одно — его власть в доме больше не абсолютна. И он не мог срывать злость привычным образом – на нас. Я сидела в комнате, уставившись в окно. Всё вокруг напоминало о приближающемся дне, который должен был изменить мою жизнь. Только я не чувствовала ничего — ни волнения, ни радости, ни надежды. Лишь тихий страх и усталость.

— Лия! Ты ещё долго будешь тут сидеть? — в комнату влетела Лили, как порыв ветра, глаза горели возмущением.

— Все бегают, готовятся, а ты сидишь тут как привидение!

Я медленно повернулась к ней и грустно улыбнулась.

— А зачем мне готовиться, Лили? Это просто сделка, — Сестра закатила глаза,

подошла ближе.

— Сделка, не сделка, но свадьба состоится. Неужели ты хочешь, чтобы отец снова сорвался?

— Мне страшно, — выдохнула я, почти шёпотом.

— Не из-за Луки. А из-за того, что я оставлю тебя здесь... с ним, — я опустила взгляд, глядя на свои руки.

— Если он сорвётся, если снова поднимет руку... я не смогу быть рядом, не смогу защитить тебя.

Лили присела рядом, взяла меня за руку.

— Эй... — тихо сказала она.

— Не бойся за меня, ладно? Я не ты. Я не позволю ему сделать мне больно, —

она улыбнулась своей дерзкой, уверенной улыбкой — той, что всегда вызывала у меня восхищение и тревогу одновременно.

— Я не боюсь его, Лия. Никогда не боялась.

Я посмотрела на неё — такая сильная, смелая, упрямая. Она была моей противоположностью.

— Ты не должна быть сильной, Лили. Ты ещё ребёнок... — она усмехнулась и покачала головой.

— А ты — слишком взрослая для своих лет. Вот и делим мы судьбу пополам. Ты — ради семьи. Я — ради того, чтобы она не сломалась окончательно.

Её слова застряли в груди. Я прижала сестру к себе, и она обняла меня в ответ.

Я чувствовала, как она дрожит, хотя старается скрыть.

И я поняла: *ей тоже страшно*, просто она научилась не показывать.

— Всё будет хорошо, — прошептала Лили.

— Ты справишься, Лия. А я... я тоже справлюсь.

И в тот момент я почти поверила. Почти.

На следующий день нас с Лили разбудили рано. Дом гудел, как улей — то кто-то вносил ящики с тканями, то люди Луки обсуждали между собой маршруты, связи, проверки. Сегодня мы должны были выбрать мне платье. Платье для свадьбы, о которой я мечтала, но не так. Не с тем человеком. Не в этих обстоятельствах. Мы выехали в город на чёрных внедорожниках. Впереди и сзади — машины охраны. Мне до сих пор было непривычно видеть вооружённых мужчин, следующих за нами повсюду. Лука явно не доверял нашему дому. И, наверное, был прав. Интересно, что за всю жизнь отец ни разу не отправил с нами даже одного телохранителя. Он не боялся, что с нами что-то случится. А может... ему было просто всё равно.

— Ну хоть теперь мы как принцессы, — усмехнулась Лили, глядя в окно.

— Нас сопровождают, как будто мы самые важные люди в этом городе.

— Принцессы без замков, — тихо ответила я, наблюдая, как мелькают улицы Чикаго.

Бутик, куда нас привезли, был роскошным — белые колонны, стеклянные двери, мягкий свет и запах свежих цветов. Девушка на ресепшене сразу узнала, кто мы, и провела нас в отдельный зал, где на вешалках висели десятки платьев. Белоснежные, кремовые, с кружевом, с вышивкой, с блеском, с длинными шлейфами — будто каждая ткань хранила чужую судьбу.

— Ну что, начнём? — Лили потерла ладони.

— Выбираем самое красивое платье для самой грустной невесты.

Я улыбнулась, хотя на душе было пусто.

— Давай просто выберем и уйдём.

Мы примеряли одно за другим — то слишком пышное, то слишком открытое, то тяжёлое, будто броня. Лили крутилась вокруг меня, делая замечания стилисту, поправляя ткань на талии, оценивая отражение.

— Это точно нет, — качала она головой, — ты же не идёшь на бал к английской королеве.

— А это? — спросила я, глядя на платье с открытой спиной.

— Красиво. Но ты в нём как будто не ты.

Я посмотрела на себя в зеркало и поняла, что она права. Я выглядела, как чужая женщина — взрослая, уверенная, холодная. А я... просто хотела спрятаться. Мы уже собирались уходить, когда консультант принесла ещё одно платье.

— Простите, синьора, это поступило сегодня утром. Хотите примерить?

Платье было другим. Простым и... живым. Тонкий шёлк цвета молочного айвори, нежное кружево на плечах, чуть приоткрытая спина и лёгкая юбка, будто сотканная из воздуха. Без излишнего блеска, без тяжести. Оно дышало. Когда я вышла из примерочной, Лили замолчала.

— Вот это... — она улыбнулась. — Вот это ты, Лия. Настоящая.

Я посмотрела на отражение и впервые за долгое время почувствовала лёгкость.

— Думаешь, ему понравится? — спросила я, не отводя взгляда от зеркала.

— Ему должно понравиться, — ответила Лили. — Потому что ты — красивая. И потому что ты заслуживаешь, чтобы хотя бы на своей свадьбе почувствовать себя не вещью.

Я посмотрела на себя ещё раз. Пусть всё вокруг буде фальшивым, но это платье будет настоящим, в нём я буду самой настоящей. Хоть что-то на этой свадьбе выберу я. Для многих свадьба это самый трепетный момент в жизни. Девушки выбирают себе не только платье, но и человека, с которым будут идти по жизни. Я знала это. У каждого есть обратная сторона медали. Да, у нас были деньги, машины и дома. Мы могли позволить себе многое. Но была и обратная сторона. Девушки никогда не были тут свободны. За нас была написана вся наша жизнь. У нас не было друзей, первой любви, школы, мы не делали ошибок, на которых могли бы учиться. Мы были без выбора. Наша жизнь была связана с риском. Мы жили в золотой клетке. И если бы у меня спросили, чего я хочу больше всего — свободы. Счастливые мы вернулись домой — или, по крайней мере, пытаюсь казаться счастливыми. Снаружи всё выглядело идеально: покупки, смех, машины охраны Луки, изредка подававшие сигналы на перекрёстках. Мы с Лили обсуждали платье, она дразнила меня, а я даже позволяла себе улыбаться. Но как только дверь дома закрылась за нами — тишина встретила нас холодным дыханием. Такой тишины я не слышала никогда. Отец стоял в холле. Руки за спиной, взгляд тяжёлый, ледяной. От этого взгляда я всегда покрывалась мурашками — будто он уже знает всё и только ждёт момента, чтобы наказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.